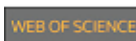

Кондратьев С. В. Въезд в Исфахан русского посольства и дипломатические приемы в Сефевидском государстве (по воспоминаниям Джона Белла) / С. В. Кондратьев // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 252—261. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-252-261.

Kondratiev, S. V. (2020). Entry of the Russian Embassy to Isfahan and Diplomatic Receptions in the Safavid State (according to the Memoirs of John Bell). *Nauchnyi dialog*, 12: 252-261. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-252-261. (In Russ.).

УДК 94:341.75(55)“1716/1717”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-252-261

ВЪЕЗД В ИСФАХАН РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В СЕФЕВИДСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ДЖОНА БЕЛЛА)¹

© Кондратьев Сергей Витальевич (2020), orcid.org/0000-0002-9861-5032, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), sk.tm@mail.ru.

Статья посвящена церемониальным ритуальным дипломатическим практикам, принятым при персидском сефевидском дворе времен правления шаха Султан-Хусейна (1694—1722), описанном шотландским медиком Джоном Беллом, который был участником российского посольства Артемия Волынского в Исфахан (1717). Отмечено, что Джон Белл с разной степенью детализации запечатлел порядок въезда иностранных дипломатических миссий в Исфахан, движение по улицам столицы и последовательную структуру въезда русского посольства. В статье показано, что в Сефевидской Персии существовал тщательно разработанный церемониал и этикет приема иностранных посольств. Автор считает, что церемониальным пространством выступала сама столица Исфахан, ее пригороды, главная шахская резиденция Талар-и Тавила, загородные резиденции шаха. Доказано, что сефевидский церемониал предполагал пышную встречу посольства на подъезде к столице, ее сопровождение до места размещения, торжественный въезд в столицу, прием у шаха с вручением верительных грамот и трапезой. Сопоставительный анализ различных по степени репрезентативности приемов шаха и высших должностных лиц позволил прийти к выводу, что шахские приемы носили исключительно церемониальный характер, тогда как на приемах высших должностных лиц могли обсуждаться важные политические вопросы. Отмечается, что приемы высших должностных лиц могли пышностью превосходить приемы шаха.

Ключевые слова: Посольство Артемия Волынского; Джон Белл; шах Султан Хусейн; Персия; Исфахан; двор; церемониал.

1. Введение

Проблема институционального оформления власти и ее церемониального оформления, когда-то считавшаяся периферийной или даже маргинальной [Starkey, 1986, р. 29—58], последние полвека прочно удерживает внимание историков. Отметим, что и отечественные исследователи много и плодотворно изучают церемониальные практики и этикет в институционном придворном пространстве евро-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 20-09-42055. «Джон Белл и его “Путешествия из Санкт-Петербурга по России в различные части Азии (1715—1722)”: исследование, перевод, предисловие, комментарии».

пейских монархий раннего Нового времени [Шикуло, 2017, с. 71—109; Шишки, 2020]. К восточным монархиям это относится в меньшей степени. Хотя здесь есть интересные зарубежные работы по Османской Турции и Империи Великих Мооголов в Индии [Pedani, 2009, S. 287—300; Fluechter, 2016, S. 89—120]. Особенно аскетичной выглядит ситуация с изучением репрезентативных дипломатических церемониальных практик в Сефевидской Персии.

Думается, что повествования иностранных путешественников о дипломатических церемониальных практиках двора Сефевидов обладают значительным информационным потенциалом и способны пролить свет на проблему.

Джон Белл, который в составе посольства Артемия Петровича Волынского посетил Персию в 1716—1718 годах, оставил содержательные сведения о дворе шаха Султан Хусейна (1694—1722) [Bell, 1763, p. 97—128]. О самом Джоне Белле известно немного. Пока никто не взял на себя труд реконструировать его биографию в деталях. Джон Белл (1691—1780) родился в 1691 году в Антермони, небольшом поместье в приходе Кэмпси в графстве Стерлингшир Шотландии, которое находится примерно в 20 милях от Глазго. Между 1707 и 1712 годами шотландец изучал медицину в университете Глазго. Спустя год, «заполучив, — как он пишет, — рекомендательные письма от некоторых достойных людей», молодой медик отправился в Россию к Роберту Арескину (Robert Areskine), лейб-медику Петра I [Bell, 1763, p. XIII]. В таком перемещении не было ничего удивительного. Шотландцы часто отправлялись за границу в поисках лучшей доли. Р. Арескин к тому же был якобитом, то есть поддерживал наследников свергнутого в 1688 году Якова II, которых в России оказалось особенно много [Wills, 2002]. В 1714 году по протекции Р. Арескина Джон Белл поступил на русскую службу медиком и в этом качестве отправился в 1715 году в составе посольства Артемия Волынского в Персию, куда оно добиралось почти год. После Персии Джон Белл в составе посольства Андрея Петровича Измайлова посетил Китай (1719—1722) и вместе с Петром I побывал в Дербенте (1722). Следующие двенадцать лет Джон Белл провел в Британии. В Россию шотландец вернулся в 1734 году, где стал секретарем британского посла в России Клавдия Рондо (Claudius Rondeau), который после трехлетнего пребывания Джона Белла в Петербурге отправил его в 1737 году в Турцию с дипломатической миссией. Пробыв там полгода, Джон Белл вернулся в Петербург. Спустя два года (1740) он вновь оказался в Константинополе, где до 1746 года пребывал в качестве торговца, после чего он окончательно вернулся в Британию. В 1763 году были опубликованы его «Путешествия из Санкт-Петербурга в различные части Азии» [Harrison]. Отметим, что Джон Белл был одновременно агентом английской Московской торговой компании [Romaniello, 2019, p. 11], и эта сторона деятельности, скрытая им от читателя, вызывает особый интерес и много вопросов, остающихся без ответа.

2. Въезд посольства в Исфахан и приемы у шаха Султана Хусейна

Покинув Санкт-Петербург 15 июля 1715 года, русское посольство добралось до Исфахана только в конце первой декады марта 1716 года. 11 марта оно остановилось в селение Даулатабад в полутора десятке верст от Сефевидской столицы

[Bell, 1763, p. 95; Бушев, 1978, с. 88]. Спустя два дня встречать посольство приехал в окружении свиты мехмандар-баши, который отвечал за прием иностранных послов, и посольство в сопровождении придворных переехало в шахский дворец Таухчи, расположенный в предместье города [Bell, 1763, p. 95].

Официальный торжественный въезд русского посольства в Исфахан состоялся 14 марта 1716 года, во второй половине дня. Порядок въезда, по Джону Беллу, выглядит следующим образом: «Вахмайстер. Три драгуна. Литаврщик. Четыре трубача. Тридцать драгун, по трое в ряд с обнаженными палашами. Шесть свободных лошадей с роскошными чепраками. Гофмейстер. Двенадцать лакеев. Два пажа. Три лакея. Два толмача. Два гайдука, одетых по-венгерски. Посол с мехмандар-баши и толмачом. Священник и один дворянин. Я (Джон Белл имеет в виду себя лично. — С. К.) и один дворянин. Два канцеляриста. Фолькonerы, охотники и прочие» [Ibid., p. 96—97].

Улицы столицы, по которым двигалось посольство, и плоские крыши домов оказались заполнены людьми, от толп которых страже пришлось расчищать дорогу [Ibid., p. 96]. В конце пути посольство ждала резиденция для размещения — «благородный дворец с садом, тремя дворами и пригодными для посла и всего посольства покоями в центре города» [Ibid.].

Вероятно, въезд любого посланника должен был символизировать величие страны или даже компании, которую, он представлял. Дж. Белл кратко упоминает о «торжественном» въезде в Исфахан посланного из Ботавии (Индонезия, о. Ява) уполномоченного голландской Ост-Индской компании господина Ван Кейтлара, который состоялся 18 мая 1717 года, в следующих выражениях: «Впереди вели шесть слонов, посланных губернатором в подарок шаху. Голландца сопровождала многочисленная свита и несколько дворян. Сам он выглядел так величественно, как если бы был министром (“министром” тогда называли дипломата в ранге посланника. — С. К.) какого-нибудь европейского двора» [Ibid., p. 111].

Первая аудиенция у шаха состоялась только 4 мая 1716 года. Полтора месяца ушло на различные согласования и дискуссии, в том числе церемониального характера [Бушев, 1978, с. 93—109].

Порядок движения посольской процессии на шахский прием был аналогичен порядку въезда в столицу, небольшое отличие состояло в том, что драгуны не обнажали палашей. Процессии предстояло пересечь торговую площадь, которую Дж. Белл именует «базаром». К сожалению, автор не оставил описание геометрически правильного исфаханского майдана (посмотреть и почитать описание можно здесь: [Micara, 2015, p. 59, 62]). Миновав «базар», процессия остановилась у перегороженных цепью ворот Али-Капу («божие ворота»), которые вместе с примыкающими с двух сторон длинными павильонами отделяли административные здания, сады и резиденции шаха от города. Здесь процессия спешила, ибо, как отмечает автор, никто, кроме шаха, не мог проезжать через ворота верхом [Bell, 1763, p. 99].

Посол со свитой прошел под сводами Али-Капу сквозь строй стоящей с двух сторон стражи, вступил во внутренний двор и через некоторое время оказался у сводчатых ворот, где стояли покрытые коврами скамейки, на одну из которых

Волынскому предложили присесть. Ждать пришлось «по крайней мере, два часа». Пока посол скучал, мимо в парадном платье прошествовали министры и должностные лица двора. Затем провели украшенного золотом и серебром большого слона с погонщиком на спине и на массивной золотой цепи двух львов. Наконец, появился неназванный Дж. Беллом чиновник, который сообщил, что шах готов принять посла [Ibid.].

Преодолев сводчатые ворота, русское посольство оказалось в просторном саду, где его встретила «двадцатка стоящих в ряд богато убранных великолепных коней, с украшенными золотом и серебром седлами и уздечками». А некоторые кони «сверкали сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями большой ценности». Кони удерживались на месте канатом, который крепился вбитыми в землю золотыми приколами и золотыми цепями, сковывающими их задние ноги. Затем процессия прошла мимо львов, которые легли перед посланником, и слона, преклонившего по команде погонщика колено [Ibid., p. 99—101].

Процессия повернула влево и увидела в отдалении Талар-и Тавила — предназначенную для приема иностранных делегаций специальную просторную с террасной крышей залу-дворец. Перед ее широким и высоким крыльцом (собственно, оно и есть «талар». — С. К.), которое занимало все пространство между двумя крайними стенами, бил тремя струями фонтан. У ступенек крыльца всех заставили разуться и оставить слуг. В залу, где «лилась мелодичная музыка» и звучал читаемый непрерывно муфтием Коран, впустили посла и еще шестерых членов посольства, включая его медика, которые поднялись по восьми мраморным ступеням. Дж. Белл сообщает, что сводчатый потолок залы, а также все стены почти до пола были облицованы зеркалами, а пол покрыт вышитыми золотом и серебром шелковыми коврами. В середине залы находилось еще два фонтана. Зала заканчивалась «полукругом», где пол был на «четыре ступени» выше, чем в самой зале. Там на софе, скрестив под собой ноги, восседал шах Султан Хусейн в окружении двадцати евнухов, каждый из которых церемониально держал кто саблю, кто лук, кто колчан со стрелами, кто кальян [Ibid., p. 101—102].

Войдя в палату, российская делегация замерла на несколько минут у первого фонтана, выказывая большое почтение правителю Персии. Все сняли шляпы и отвесили поклон в сторону шаха. В дальнейшем, в ходе всего приема, головы не обнажали. Посла встретил эшикагаси-баши (турк. «глава начальников порога». — С. К.), то есть главный церемониймейстер, или главный камергер, шахского двора. «На расстоянии шести ярдов от трона церемониймейстер взял посла за руку и повел его к шаху». Посол пошел было напрямую к шахской софе, чтобы вручить верительные грамоты, но его остановил этимад ад-дауле (великий визирь) Фатх Али Хан Дагистани. «Он принял бумаги и положил их перед шахом, который в знак уважения коснулся грамот рукой». Затем посол произнес краткую речь, ответ на которую с «подобающими любезностями» шах передал через этимада ад-дауле. Последовали вопросы о здоровье царя Петра I, о шведской войне и о трудностях пути, которые претерпел посол. Волынский отвечал «подобающим образом» [Ibid., p. 102—104, 107].

Пока посол говорил, «пятьдесят человек» принесли к входу в залу царские дары Султан Хусейну, состоящие из «дорогих мехов, соколов, различных ценных сортов чая, нескольких музыкальных, а также нескольких золотых часов с бриллиантами и прочего» [Ibid., p. 104].

Пришло время усадить посла и членов делегации. Волынского посадили параллельно с шахом на расстоянии, примерно в 10 ярдов, а за его спиной разместились остальные. «Как только посол занял свое место, все министры шаха сели рядами по обеим сторонам палаты так, чтобы их бедра легли на голени и пятки. Никому, — поясняет Дж. Белл, — в присутствии шаха не дозволяется сидеть, скрестив ноги» [Ibid., p. 105].

В ходе наступившей трапезы посол и шах общались через двух переводчиков: шах говорил на фарси, его переводил на турецкий эшикагаси-баши, Волынский — по-русски, его слова на турецкий переводил толмач российского посольства. Остальные хранили молчание, фоном этой беседы служила музыка и непрерывающееся монотонное чтение Корана муфтием [Ibid.].

Трапеза состояла из двух частей. Сначала перед всеми поставили по маленькому столику со сладостями, послу при этом, выказывая тем особое почтение, принесли кальян. Также в золотых чашах подали воду со льдом. Затем «примерно через час вошло множество слуг, которые внесли на своих головах огромные квадратные корзины с едой. Вначале поднесли шаху, затем — послу и его свите и после них — государственным чиновникам, сидевшим в палате. Гофмейстер двора прислуживал шаху, а всем остальным — его чины в соответствии с рангом каждого». Слуг посольства в это время потчевали в саду [Ibid., p. 105—106].

Угощение состояло из различных видов сваренного с маслом риса, птицы, баранины, а также отварного и жареного мяса ягненка. Еду подавали на больших золотых или фарфоровых блюдах, которые расставляли на длинную скатерть, застилавшую ковер. Между ними размещались блюда, наполненные ароматными травами, сахаром и уксусом. Из напитков предлагали только шербет и холодную воду со льдом. Все, включая шаха, ели руками. Вместо салфеток, использовали тонкие пшеничные лепешки, которыми вытирали пальцы [Ibid., p. 106].

Момент окончания приема остался незафиксированным. Отмечено только, что по окончании трапезы посол и делегация в сопровождении мехмандар-баши вернулись в отведенные им в Исфахане покои, а на улицах, ограждая «от безбрежных волн народа», стояла стража [Ibid., p. 107].

Шах принимал Волынского еще трижды. Но все эти аудиенции описаны Дж. Беллом весьма скупой, хотя очевидно, что он на них присутствовал. 11 мая 1717 года состоялся второй прием в том же дворце Талар-и Тавила, который, как отмечалось, «был краток и не предполагал развлечений». 12 июня 1717 года шах принял Волынского в загородном, утопающем среди парка с фонтанами и каскадами водопадов дворце Фарабад. О самом приеме не сказано ничего. Ужин упомянут только потому, что он фактически не состоялся, ибо «налетел такой буйный ветер, что унес почти все, что стояло, сдул даже тонкие широкие лепешки, которыми персы пользуются вместо салфеток» [Ibid., p. 110, 114—115]. 3 июля, лаконично сооб-

щает Дж. Белл, «посол имел последнюю аудиенцию у шаха. Она была в городском дворце. Получив ответ шаха на послание царя, посол тут же попрощался и покинул дворец без долгих церемоний» [Ibid., p. 117].

Своеобразными послесловиями аудиенций были присылаемые шахом послу дары.

Вечером 4 мая 1716 года, после первого приема, «шах прислал в подарок послу золотой кальян, который он курил при дворе. Тот был изящно отделан филигранью и стоил от сорока до пятидесяти фунтов стерлингов». С кальяном были присланы также «двадцать больших блюд из чистого золота, наполненных различными сладостями». Блюда были тяжелые, весом около 13 фунтов. Правда, их истребовали обратно спустя полтора месяца [Ibid., p. 107—108].

На следующий день, после второго приема (12 мая 1717 года) «послу доставили от шаха в подарок превосходное ширазское вино и золотую бутылку, вмещавшую около двух кварт, с маленькой чашкой из того же металла» [Ibid., p. 110].

О подарках после третьей аудиенции (12 июня 1717 года) ничего не сообщается, вероятно, их не было. Но 23 июня мехмандар-баши принес от шаха послание, что тот считает миссию российского посольства законченной, и затем, 1 июля 1717 года, были присланы дары послу и членам посольства. По принятому при шахском дворе обыкновению, отмечает Дж. Белл, это были «халаты», которые описаны как «длинные кафтаны из золотой и серебряной парчи», к каждому из которых прилагался кушак и чалма. Прислали также куски персидского шелка, из них на долю Дж. Белла, сообщает он, «выпало около дюжины». Лично послу шах прислал также «в подарок двух прекрасных коней из своей конюшни» [Ibid., p. 114, 116, 117].

Кроме того, 8 июля в подарок царю посол получил «слона, двух львов, двух леопардов, шесть разных обезьян, трех — двух белых и одного зеленого — попугаев, трех добрых коней и индийскую птицу, называемой майна, которая цветом, формой и размером напоминает черного дрозда и поет прекрасными звуками» [Ibid., p. —118].

3. Приемы посла Артемия Волынского другими должностными лицами

Послу и по статусу, и по долгу службы гораздо больше приходилось контактировать с должностными лицами шахского двора, чем с самим шахом.

Первым, кто после шаха устроил послу торжественный прием, был этимад ад-дауле (великий визирь) Фатх Али Хан Дагистани, которого Дж. Белл именует по национальности грузином, хотя он был лезгином, отправленным когда-то своим отцом Сафи Коли Ханом в Исфахан и выросшим при дворе [Matthee, 2012, p. 206—213]. Прием проходил 9 мая 1717 года в большом дворце с прекрасным садом и «напоминал шахский, только был еще более пышным» [Bell, 1763, p. 109]. 15 мая состоялась вторая аудиенция посла у этимад ад-довле, которая скорее представляла собой рабочее совещание, а не прием. Ибо Дж. Белл ограничился лишь краткой констатацией: «Обсуждали вопросы, ради которых прибыло посольство» [Ibid., p. 110]. Встреч Артемия Волынского и Фатх Али Хана Дагистани, безусловно, было больше [Бушев, 1978, с. 110, 121, 126, 142, 159, 163, 173], но Дж. Белл ограничился краткими упоминаниями, как мы видим, двух.

Зато автор подробно описал прием, который устроил в честь российского посла доруги-и дафтар, «хранитель большой шахской печати и канцлер» [Bell, 1763, p. 115]. Должность начальника шахской канцелярии и хранителя регистра государственных доходов занимал Мирза Рафи, доверенное лицо этимад ад-дауле Фатх Али Хана Дагистани [Бушев, 1978, с. 131]. «Мы оказались, — пишет Дж. Белл, — на приеме, превосходящем пышностью прием первого министра и даже прием шаха. Мы вошли, и почти сразу нам подали множество разнообразных сладостей и все те фрукты, которые здесь произрастают. Попеременно носили кофе и шербет. Посла усадили на стул, а остальные сидели, скрестив ноги, на коврах. Во время пиршества нас развлекали пением и музыкой, а также танцами мальчиков, выступлениями акробатов, кукольников и жонглеров. Все артисты исполняли свои номера с большим мастерством. Был там номер, когда один молодой человек сбил ногой чалму другого, и из него выпало пятнадцать или двадцать больших змей, которые быстро расплзлись по залу. Одна из них подползла ко мне с великим проворством и заставила спешно покинуть свое место. Заметив наш страх, нам объяснили, что у этих тварей вырваны все зубы, и они абсолютно безобидны. Акробат прошелся по залу и собрал их обратно в чалму, как угрей. Следом подали чистую и превосходную еду. Она была персидской и очень вкусной. Наш хозяин излучал радость и делал все, чтобы угодить гостям. Он учтиво просил его извинить за отсутствие вина, ибо так теперь заведено при дворе» [Bell, 1763, p. 115].

Отметим попутно, что членам посольств не запрещались самостоятельные контакты с персами и представителями иных государств. Дж. Белл не единожды упоминает о посещении живущих в Исфахане английских купцов, приеме в голландской фактории, обеде в фактории английской Ост-Индской компании, обеде у хаким-баши, главного врача шаха [Ibid., p. 98, 110—111, 112, 114, 118].

4. Заключение

Описания Джона Белла показывают, что в Сефевидском Иране сложились свои церемониальные практики приема иностранных посольств, с подробно разработанным этикетом и ритуалом. Предполагалась торжественная встреча посольства на подъезде к столице, ее сопровождение до места размещения и торжественный въезд в город. Въезд имел символическое значение, показывая величие и богатство страны, отправляющей посольство, и самой Персии, шах которой называл себя царем царей и носил другие «высокопарные и пышные титулы» [Ibid., p. 126].

Процедура шахских дипломатических аудиенций и приема верительных грамот тоже была детально разработана, включая, как видно, обязательное долгое ожидание посла. Наличие дрессированных зверей призвано было, вероятно, показать, могущество Персии: шах повелевает не только людьми, но и животными. Очевидно, что отдельные моменты церемонии при сохранении общего сценария могли уточняться и корректироваться. К сожалению, детали этой переговорной кухни автор предпочел упустить, или он на ней не присутствовал.

Должностные лица, которым по обязанности положено было вырабатывать с послом конкретные решения, а Артемий Волинский согласовывал с персами условия торгового договора (1717), также устраивали приемы в честь посла, которые могли превосходить по великолепию шахские.

Обмен дарами между государями, как показывает описание Дж. Белла, также являлся частью обязательного ритуала, как и преподнесение даров от шаха и должностных лиц послу после приемов. О подарках посла должностным лицам, которые очевидно имели место, источник умалчивает.

Решение об окончании дипломатической миссии принимала принимающая посольство сторона, причем оно могло быть неожиданным. Скупые характеристики, данные Дж. Беллом отъезду, очевидно, скрывают раздражение российской делегации столь неожиданным решением шахской администрации.

Источники

1. Бушев П. П. Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715—1718 гг. / П. П. Бушев. — Москва : Наука, 1978. — 290 с.
2. Bell J. Travels from St Petersburg in Russia, to Diverse Parts of Asia / J. Bell. — Glasgow : Printed for Author by Robert and Andrew Foulis, 1763. — Vol. I. — XVII. — 357 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиколо М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII — начала XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00, 07.00.03 / М. И. Шиколо. — Москва, 2017. — 277 с.
2. Шишкин В. В. Королевский двор Франции в эпоху Возрождения : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 / В. В. Шишкин. — Санкт-Петербург, 2020. — 647 с.
3. Fluechter A. Diplomatic Ceremonial and Greeting Practice at the Mughal Court / A. Fluechter // Transkulturelle Verflechtungsprozesse in der Vormoderne Transcultural Entanglements in the Premodern Period / Ed. by W. Drews and Ch. Scholl. — Berlin : De Gruyter, 2016. — S. 89—120.
4. Harrison R. Bell, John (1691—1780) / R. Harrison // Oxford Dictionary of National Biography. http://cpps.brepolis.net/bbih/incoming.cfm?odnb_id=2011 (дата обращения — 31 октября 2020 г.).
5. Matthee R. Persia in Crisis Safavid Decline and Fall of Isfahan / R. Matthee. — London : I. B. Tauris & Co. Ltd, 2012. — 419 p.
6. Micara L. Architectural Order of Persian Talar Life of a Form / L. Micara // L'architettura delle città. Journal of the Scientific Society Ludovico Quaroni. — 2015. — Vol. 4. — № 7. — Pp. 55—97.
7. Pedani P. M. Sultan and the Venetian Bailo : Ceremonial Diplomatic Protocol in Istanbul / P. M. Pedani // Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit / Ed. by R. Kauz, G. Rota, J. P. Niederkorn. — Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. — S. 287—300.
8. Romaniello M. P. Enterprising Empires : Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia / M. P. Romaniello. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — XV. — 304 p.
9. Starkey D. Court and government / D. Starkey // Revolution Reassessed : Revisions in the History of Tudor Government and Administration / Ed. by C. Coleman and D. Starkey. — Oxford : Oxford University Press, 1986. — Pp. 29—58.
10. Wills R. Jacobites in Russia 1715—1750 / R. Wills. — East Linton : Tuckwell Press, 2002. — XVI. — 253 p.

ENTRY OF THE RUSSIAN EMBASSY TO ISFAHAN AND DIPLOMATIC RECEPTIONS IN THE SAFAVID STATE (ACCORDING TO THE MEMOIRS OF JOHN BELL)¹

© **Sergey V. Kondratiev (2020)**, orcid.org/0000-0002-9861-5032, Doctor of History, Professor, Department of Modern History and World Politics, University of Tyumen (Tyumen, Russia), sk.tm@mail.ru.

The article is devoted to the ceremonial ritual diplomatic practices adopted at the Persian Safavid court during the reign of Shah Sultan Hussein (1694-1722), described by the Scottish physician John Bell, who was a member of the Russian embassy of Artemy Volynsky in Isfahan (1717). It is noted that John Bell, with varying degrees of detail, captured the order of entry of foreign diplomatic missions to Isfahan, the movement along the streets of the capital and the consistent structure of the entry of the Russian embassy. The fact that there was an elaborate ceremony and etiquette for receiving foreign embassies in Safavid Persia is shown in the article. The author believes that the capital of Isfahan itself, its suburbs, the main Shah's residence Talar-i Tawila, and the Shah's country residences acted as the ceremonial space. It has been proven that the Safavid ceremony involved a magnificent meeting of the embassy at the entrance to the capital, her escort to the place of accommodation, a solemn entry into the capital, a reception with the Shah with the presentation of credentials and a meal. A comparative analysis of the receptions of the shah and high-ranking officials, differing in their degree of representativeness, led to the conclusion that the shah's receptions were exclusively ceremonial, while important political issues could be discussed at receptions of high-ranking officials. It is noted that the receptions of senior officials could surpass the receptions of the shah with pomp.

Key words: Embassy of Artemy Volynsky; John Bell; Shah Soltan Hussein; Persia; Isfahan; court; ceremonial.

MATERIAL RESOURCES

- Bell, J. (1763). *Travels from St Petersburg in Russia, to Diverse Parts of Asia, I (XVII)*: Glasgow: Printed for Author by Robert and Andrew Foulis. 357 p.
- Bushev, P. P. (1978). *Posolstvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715—1718 gg* [Embassy of Artemy Volynsky to Iran in 1715—1718]. Moskva: Nauka. 290 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Fluechter, A. (2016). Diplomatic Ceremonial and Greeting Practice at the Mughal Court. In: *Transkulturelle Verflechtungsprozesse in der Vormoderne Transcultural Entanglements in the Premodern Period*. Berlin: De Gruyter. 89—120.
- Harrison, R. Bell, John (1691—1780). *Oxford Dictionary of National Biography*. Available at: http://capps.brepolis.net/bbih/incoming.cfm?odnb_id=2011 (accessed 31 oktyabrya 2020).
- Matthee, R. (2012). *Persia in Crisis Safavid Decline and Fall of Isfahan*. London: I. B. Tauris & Co. Ltd. 419 p.
- Micara, L. (2015). Architectural Order of Persian Talar Life of a Form. *L'architettura delle città. Journal of the Scientific Society Ludovico Quaroni*, 4 (7): 55—97.
- Pedani, P. M. (2009). Sultan and the Venetian Bailo: Ceremonial Diplomatic Protocol in Istanbul. In: *Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 287—300.
- Romaniello, M. P. (2019). *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia, XV*. Cambridge: Cambridge University Press. 304 p.
- Shikulo, M. I. (2017). *Diplomatičeskij tseremonial kak sposob reprezentatsii korolevskoy vlasti vo Frantsii vtoroy poloviny XVII — nachala XVIII v*. PhD Diss. [Diplomatic ceremonial

¹ The article was prepared with the financial support of the RFBR under the project 20-09-42055. "John Bell and his "Travels from St. Petersburg in Russia to various parts of Asia (1715-1722)": research, translation, preface, commentary".

- as a way of representing the Royal power in France in the second half of the XVII-beginning of the XVIII century. PhD Diss.]. Moskva. 277 p. (In Russ.).
- Shishkin, V. V. (2020). *Korolevskiy dvor Frantsii v epokhu Vozrozhdeniya*. Doct. Diss. [The Royal court of France in the Renaissance. Doct. Diss.]. Sankt-Peterburg. 647 p. (In Russ.).
- Starkey, D. (1986). Court and government. In: *Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration*. Oxford: Oxford University Press. 29—58.
- Wills, R. (2002). *Jacobites in Russia 1715—1750, XVI*. East Linton: Tuckwell Press. 253 p.